

Марк Белорусец: Дом на углу улиц Владимирской и Прорезной

Марк Белорусец (1943 г.)

На замечательных фотографиях этого дома на углу Прорезной и Владимирской отсутствует одна деталь: я, стоящий с сигаретой F6 весной 1969 года вон там, на балконе четвертого этажа. Немецкое отделение Киевских курсов иностранных языков я еще не закончил, и у гэдээровской сигареты привкус немецкого языка и даже литературы. Пачка F6 куплена в ресторане Лейпциг, он внизу, в том же доме.

Давайте глянем на этот дом как на текст, подлежащий переводу. Под успокаивающим аляповатым стилем неоренессанса с примесью барокко – купеческим капризом начала прошлого века – кроется динамичная история двадцатого столетия, особенно у нас в стране, и в Германии, и вообще в Европе.

Zeichnung von Irina Stasiuk

Переменчивая судьба ресторана на первом этаже – пример этой динамики. Когда это заведение открыли в 1906 году, оно называлось кондитерская Маркиза. Под именем «конфетница Маркиза» попало в тринадцатую главу романа киевлянина Михаила Булгакова «Белая гвардия». На немецкий роман перевел Томас Решеке (Thomas Reschke). Главный герой романа, военный доктор Алексей Турбин пробегает мимо дома, спасаясь от вступающей в Киев украинской армии в 1918 году.

Затем несколько секунд вывалились из жизни Турбина, и что во время них происходило, он не знал. Ощутил он себя лишь за углом, на Владимирской

улице, с головой, втянутой в плечи, на ногах, которые его несли быстро от рокового угла Прорезной, где кондитерия «Маркиза». (Белая гвардия, гл. XIII)

После, при новой власти здесь открылся ресторан «Спартак», потому что всех маркизов и маркиз отменил новый справедливый строй, а восстание гладиаторов в древнем Риме под предводительством Спартака казалось близким большевистской идеологии. Сразу после второй мировой войны в этом помещении разместился «Коктейль-холл». Но не долго тут пили коктейли, настала «Холодная война», борьба с космополитизмом, а значит с загнивающим Западом. Никаких «Коктейль-холлов» - ресторан «Чайка». А уж потом в 60-е годы в честь города-побратима Лейпцига ресторан с тем же названием. По слухам, там даже подавали «немецкие блюда».

Но это первый этаж, а я стою на балконе четвёртого.

Углубимся дальше в текст этого легендарного дома. За балконной дверью – огромная комната в великолепной некогда шестикомнатной квартире, ставшей коммунальной после революционных преобразований. Эту комнату занимал Григорий Юрьевич Филановский - журналист, сценарист, автор книг и статей об истории моды и библиофил. Одна стена в этой комнате состояла из книг. На полках огромного стеллажа стояла полная энциклопедия Брокгауза и Эфрона, вышедшая до Первой мировой войны, была и художественная литература, научно-популярные издания, книги по истории, в том числе по истории костюма. Много было редких антикварных книг.

Григорий Юрьевич или Гриша, как его звали друзья, остроумный, ироничный, проницательный человек с широким кругозором. Его дом всегда открыт для многочисленных друзей и просто знакомых, для друзей друзей и знакомых знакомых. Так и я попал к нему. Меня привела Лариса Масенко, с которой мы вместе учились на курсах немецкого языка. Теперь она профессор украинского языка в Киево-Могилянской академии, гроза студентов. Лариса тогда же на курсах дала мне почитать отпечатанную на машинке работу Ивана Дзюбы «Інтернаціоналізм чи русифікація». Как известно, эта работа сыграла огромную роль в пробуждении национального самосознания. А Дзюба из-за нее сел в тюрьму.

Но вернёмся в комнату Гриши Филановского. Кроме него в этой коммунальной квартире шесть или восемь семей, ведь некоторые комнаты разделены ещё и пополам. Зато один туалет и ванная, которой никто не пользуется. В туалете лампочки по числу соседей - у каждого свой электросчётчик - и столько же крышек для унитаза, висящих на вбитых в стену туалета гвоздиках. На общей кухне несколько плит. Она на возвышении, к ней ведет короткая лестница, поэтому кухня походит на эстраду небольшого театра. Здесь выясняются отношения, заключаются «военные» союзы и плетутся заговоры. Общий телефон в коридоре аккомпанирует звонками.

Филановскому завидовали. Во-первых - у него был отдельный телефон, во-вторых - ему принадлежал чулан, малюсенькая комната без окон под лестницей чёрного хода, из-за чего его прозвали Чулановским. В чулане полки со старыми

журналами и софа. Знакомые знакомых и друзья друзей водили туда девушек. Разумеется, для бесед наедине. Там же мы печатали с фотоплёнок роман Солженицына «В круге первом». Потом его пускали по кругу, по кругу наших друзей и знакомых, и никто не заложил, то есть не донес.

В комнате на Владимирской часто появлялись разные интересные люди, велись всякие разговоры - рассуждали о кино, о новых публикациях в журналах, о новых фильмах, о литературе, о выставках и тому подобном.

О политике говорили тоже, но мимоходом и полушутя, что тут было обсуждать. Излишне, наверное, говорить, что большинство разговоров в этом доме велось по-русски. Многие, включая самого хозяина гостеприимной комнаты, были на 10-15 лет старше меня. Я в этой комнате стал проводить все свободные вечера, особенно в первые годы после знакомства, да и потом заходил довольно часто. Там бывали журналисты, киносценаристы, сочинители скетчей и куплетов для эстрадных артистов, писатели, арт-критики, художники, всех не упоминишь.

Заходил, скажем, писатель и историк Юрий Колесниченко, один из авторов (вместе Сергеем Плачиндой) скандальной книги «Неопалима купина», сборника исторических повестей о деятелях украинской культуры. Книгу почти сразу запретили, изъяли из магазинов и библиотек. Ни к чему столько внимания к украинской культуре.

Замечательный переводчик французской поэзии Михайло Москаленко привел однажды очень талантливого поэта Мойсея Фишбейна. Тогда я с ним познакомился и подружился. Со стихами Моисея в украинскую поэзию вошли городские мотивы. Впоследствии он много переводил с русского, с иврита, с идиш, с немецкого. Недавно, за несколько лет до его смерти в 2019 году, вышло 100 стихотворений Рильке в его переводе.

К Филановскому носил я свои первые переводы, в которых многие места подчеркнула, но не исправила знаменитая московская переводчица с французского и шведского Юлиана Яхнина. Вместе с Гришей я старался понять, почему подчеркнуто, что “неправильно”, и как сделать “правильно”.

Среди завсегдатаев числился старый друг Филановского веселый и насмешливый фельетонист Генрих Шахнович. Как поговаривали, сочинив очередной фельетон, бичующий в дозволенных рамках отдельные недостатки, Шахнович продавал его, скажем, партийной газете «Правда Украины», потом рассылал тот же материал в партийные и комсомольские газеты всех советских республик, почти не отличавшиеся друг от друга. Как острил Филоновский, от “Светлячка Якутии” до “Огонька Тунгусии”. У Шахновича был список провинциальных изданий всего СССР и график кому что когда. И отовсюду текли к нему гонорары.

Стоит заглянуть в контекст этого дома-текста, спустившись мысленно по лестнице наглухо заколоченного черного хода во двор. В реальной жизни вход во двор дома был с улицы Прорезной. Там во флигеле была мастерская моего товарища, художника Мыколы Черныша. Он вырезал картины-барельефы в дереве. Также занимался графикой. Мыкола закончил в Москве Строгановское художественное училище, одно из самых престижных, и оставался вместе с тем украинским художником, национальным по самой своей сути, но и очень

современным по пониманию искусства. Благодаря ему и Ивану Дзюбе мне стал близок украинский язык. Тогда же мне открылась украинская современная поэзия. В мастерской лежал на столе самиздатский сборник стихов поэта Мыколы Воробьёва «Букініст». Стихи оттуда помню до сих пор. У него я однажды увидел высокие ажурные опаленные до черноты деревянные стойки. Черныш сказал: завтра річниця поховання Алли Горської. Це поставимо на могилі, тимчасово, замість пам'ятника. Підеш? (Алла Горская – украинская художница и диссидентка, погибшая при таинственных обстоятельствах 7 декабря 1970 года). Я пошел. Вокруг могилы на Гостомельском кладбище были многие из тех, кого посадили несколько месяцев спустя. Я заметил и запомнил лишь писателя и литературного критика Евгена Сверстюка и переводчика Сергея Борщевского, потому что знал их раньше. А меня тоже заметили... и через короткое время впервые «пригласили» в КГБ на беседу. Во время разговора показали фотографию, где и я среди других у могилы Аллы. Кстати, деревянные стойки сожгли на следующий день. Мыколу Черныша, вероятно, тоже посадили бы, но он успел жениться на девушке из Словакии и уехать в Братиславу.

Неподалеку от станции метро Левобережная теперь есть улица имени Евгена Сверстюка.

В 1985-1986 гг. из дома на углу Владимирской и Прорезной выселили всех, включая ресторан. Предполагался капитальный ремонт. Но настали иные времена, на ремонт средств не нашлось. После дом продали, потом перепродали по новому нашему обычаю. Новый хозяин покрасил его в кричащий бордовый цвет, обновил лепнину и статуи, окружил дом забором и исчез. Но ведь этот дом как дом и как текст никуда не исчез. Замечу, что каждый дом как текст. Но слушаются и нечитаемые тексты.

Foto von Mila Grygorenko

Рисунок - Ирина Стасюк

Фото - Мила Григоренко

МАРК БЕЛОРУСЕЦ (1943 Г.)

переводчик с немецкого и украинского, живет в Киеве. Его переводы стихов и прозы Пауля Целана, Георга Тракля, Юлиана Шуттинга, Эрвина Месмера, Гerty Крефтнер, Гюнтера Айха, Манеса Шпербера, Гerty Мюллер, Яна Вагнера, Эстер Кински, Драгицы Райчич и других опубликованы в журналах, сборниках и отдельными изданиями. Лауреат премии Австрийской республики для переводчиков (1998), премия им. Андрея Белого (2008) за книгу "Пауль Целан. Стихотворения. Проза. Письма" (совместно с Татьяной Баскаковой).

Dies ist ein automatisch generiertes PDF der Webseite www.toledo-programm.de. TOLEDO ist ein Programm des Deutschen Übersetzerfonds.

https://www.toledo-programm.de/cities_of_translators/2325/n-a

Stand: 27.04.2024

Alle Rechte vorbehalten.